

Леонид Андреев

Дни нашей жизни



Часть сборника
*Иуда Искариот. Дни нашей
жизни. Повести. Рассказы*



Леонид Николаевич Андреев

Дни нашей жизни

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2802385

Иуда Искарот : Дни нашей жизни ; Повести ; Рассказы : Эксмо;

Москва; 2012

ISBN 978-5-699-55327-3

Аннотация

«Воробьевы горы. Начало сентября; уже начинается золотая осень. Погожий солнечный день.

К краю обрыва подходят двое: Николай Глуховцев и Ольга Николаевна, девушка лет восемнадцати. Глуховцев в красной русской рубаше, поверх которой накинута серая студенческая тужурка, и в летней фуражке с белым верхом; девушка в легкой летней блузе с открытой шеей; верхнюю драповую кофту держит на руке ее спутник.

Останавливаются и восхищенно смотрят на далекую Москву...»

Содержание

Действующие лица	4
Действие первое	6
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Леонид Николаевич Андреев

Дни нашей жизни *Пьеса в четырех действиях*

Действующие лица

Евдокия Антоновна

Ольга Николаевна, ее дочь

Глуховцев Николай

Онуфрий

Мишка

Блохин

Физик

Архангельский

Анна Ивановна

Зинаида Васильевна

Эдуард фон Ранкен, врач

Миронов Григорий Иванович, подпоручик

Парень Гриша

Торговец

Отставной генерал с дочерью

Военные писаря

Сторож

Аннушка и **Петр**, служащие в номерах

Место действия – Москва;

время – вторая половина девяностых годов.

Действие первое

Воробьевы горы. Начало сентября; уже начинается золотая осень. Погожий солнечный день.

*К краю обрыва подходят двое: **Николай Глуховцев** и **Ольга Николаевна**, девушка лет восемнадцати. Глуховцев в красной русской рубахе, поверх которой накинута серая студенческая тужурка, и в летней фуражке с белым верхом; девушка в легкой летней блузе с открытой шеей; верхнюю драповую кофту держит на руке ее спутник.*

Останавливаются и восхищенно смотрят на далекую Москву.

Ольга Николаевна *(прижимаясь плечом к Глуховцеву).* Как хорошо, Коля! Я и не воображала, что здесь может быть так хорошо.

Глуховцев. Да. Воистину красота! День очень хорош. Ты погляди, как блестит купол у Храма Спасителя. А Иван-то Великий!

Ольга Николаевна *(прищуривая глаза).* Где, где? Я не вижу.

Глуховцев. Да вот же, направо... еще, еще немножко правей. *(Берет обеими руками ее голову и поворачивает.)* Видишь?

Ольга Николаевна. Какая прелесть! Колечка, а что это за маленькая церковка внизу, точно игрушечная?

Глуховцев. Не знаю. Так, какая-нибудь. Нет, действительно красота. И подумать, что отсюда смотрели Грозный, Наполеон...

Ольга Николаевна. А вот теперь – мы. А где мы живем, Колечка, ты можешь найти?

Глуховцев. Конечно, могу. Вот... вот... вот видишь церковку, их там еще несколько, кучкою – так вот немного полее от них и наши номера. Как странно: неужели мы там действительно живем, в этом каменном хаосе? И неужели это – Москва?

Ольга Николаевна. Когда я смотрю отсюда, то я вижу как будто нас, как мы там живем; а оба мы такие маленькие, словно две козявочки... Как я тебя люблю, Колечка!

Глуховцев (*рычит*). Rrr-rrr-rrr...

Ольга Николаевна. Что ты?

Глуховцев. Хорошо очень. Черт возьми!.. Зачем все это так красиво: и солнце, и березы, и ты? Какая ты красивая, Олечка! Какая ты очаровательная! Какая ты ослепительная!

Ольга Николаевна. Разве?

Глуховцев. Я съем тебя, Оль-Оль. (*Кричит.*) Оль-Оль-Оль-Оль!

Где-то ответные голоса: «ау» и также «Оль-Оль-Оль»...

Ольга Николаевна (*звонко*). Оль-Оль-Оль! Что же они не идут?

Глуховцев. Конечно, мы тут остановимся. Красивее места не найдешь.

Ольга Николаевна. Я их немножко боюсь, Коля, твоих товарищей.

Глуховцев. Их-то? Вот нашла кого бояться.

Ольга Николаевна. А две барышни, которые с нами, — это курсистки?

Глуховцев. Да. Курсистки.

Ольга Николаевна. Той, которая в очках, я меньше боюсь: за ней этот — я не знаю, как зовут его, — ухаживает.

Глуховцев. Его зовут Физик.

Ольга Николаевна. Как смешно, Коля, когда влюбленные в очках. *(Заглядывая ему в глаза.)* А тебе не нужно, Коля, очков, чтобы меня рассмотреть?

Глуховцев. Телескоп нужен — звездочки рассматривают в телескоп. Нет, ты подумай, что это будет, когда луна взойдет.

Ольга Николаевна *(восхищенно)*. А разве и луна еще будет?

Глуховцев. Заказана. Нет, объясни ты мне, пожалуйста, что это значит любовь? То не было ее, а то вдруг явилась; и сердцу так широко, так просторно, так солнечно и вольно, что как будто крылья выросли у него. Оль-Оль, родной ты мой человечек, звездочка моя, — я, ей-богу, счастлив!

Ольга Николаевна. Мне хочется на тебя молиться, Коля. Когда ты так говоришь, то сердце у меня замирает и падает, и падает, и падает...

Показываются студенты со свертками, с кульками. Все потные, усталые, фруражки на затылке, но очень веселые.

Мишка (*басом*). Оль-Оль-Оль-Оль! Куда вас черт унес?
Аж взмокли, вас искавши.

Онуфрий (*жидким тенором*). Господа, Глуховцев – подлый ловелас: ограничился тем, что взял эфемерную кофточку на левую ручку, а под правую подхватил очаровательную Оль-Оль. Все же материальное и имеющее вес предоставил нам.

Мишка. Презренный Дон-Жуан, – провались в преисподнюю!

Ольга Николаевна (*смущаясь*). Мы выбирали место, мы все время вас окликали.

Онуфрий (*ласково*). Да ведь мы же шутим, Ольга Николаевна, вы на нас не обижайтесь.

Физик (*близоручко прищуривая глаза*). Какой обширный горизонт!

Анна Ивановна. А вон Воспитательный! Зинаида Васильевна, смотрите, Воспитательный виден!

Зинаида Васильевна. Где? Где?

Анна Ивановна. Да вон он, вон он! Видите, белеет.

Архангельский. А Таганки не видать?

Анна Ивановна. А разве вам знакома?

Архангельский. Нет, я в Арбатском участке сидел.

Анна Ивановна. А мы с Зиной в Бутырках. Их отсюда не видно.

Физик. Из Таганской тюрьмы, из сто двадцать девятого, Воробьевы хорошо видны. Значит, и Таганку отсюда можно

рассмотреть.

Блохин (*поет страшно фальшивым голосом*). «Вдали тебя я обездолен, Москва, Москва, родимая страна. Там блещут в лесе коло...» (*Срывается.*)

Мишка (*с ужасом*). Господа, Блохин запел! Я не могу, я уйду, мне жизнь дорога.

Онуфрий (*убедительно*). Сережа, вот ты и опять с колокольни сорвался. Ведь так ты можешь и расшибиться.

Архангельский. У него средние ноты хороши: вот бывают такие кривые дрова, осиновые, никак их вместе не уложишь, все топорщатся.

Блохин (*обиженно, немного заикаясь*). Пошли к черту!
Располагаются на траве, под березами раскладывают шинели, разворачивают кульки, бумажные свертки, откупоривают бутылки. За хозяйку курсистка Анна Ивановна.

Мишка. Ей-богу, пива больше было! Это ты, Блоха, дорогою одну бутылку вылакал. И как ты можешь петь с такой нечистой совестью?

Блохин. Пошли к черту!

Анна Ивановна. А самовар? Где же мы возьмем самовар?

Глуховцев. Без чаю и я не согласен!

Онуфрий. Прекрасные лорды и маркграфини, и в особенности вы, баронесса. На семейном совете мы решили обойтись без посредников, а потому вот вам, баронесса, кексик, а вот и чайник. Принес на собственной груди.

Глуховцев (*горячо*). Это подлость, господа! Ведь вы же говорили, что самовар будет. Пить чай из какого-то чайника, это черт знает что такое!

Онуфрий. Ну, ну, не сердись, Коля. Будешь пить пиво.

Глуховцев. Не хочу я пива!

Мишка. Мещанин. Который человек, находясь в здравом уме и твердой памяти, не желает пива, тот человек мещанин.

Архангельский. А кто же за водой пойдет?

Ольга Николаевна. Мы! Николай Петрович, пойдемте за водою, хорошо!

Глуховцев. Ну ладно, черти!

Ольга Николаевна (*тихо*). Не пей, миленький, сегодня. Я так боюсь пьяных.

Глуховцев. Ну что ты, – выпьем все понемножку, вот и все. Бежим!

Ольга Николаевна. Ай!

Бегут вниз. Слышно, как звякает упавший чайник. На полянке закусывают и пьют.

Архангельский. Нет, это такое счастье, господа, когда осенью приезжаешь в Москву; там, у нас, одуреть можно.

Анна Ивановна. Ваш отец священник?

Архангельский. Нет, дьякон. Отец-дьякон.

Блохин. Ну ты, Вася, в деревне, там еще понятно, а ты посмотрел бы, что у нас в Орле делается летом. Такая мертвая тощища.

Мишка. Буде! Везде хорошо. Пей за Москву, ребята!

Архангельский. Еду я третьего дня с Курского вокзала, и как увидел я, братцы мои, Театральную площадь, Большой театр...

Мишка (*басом*). И Малый. Выпьем за Большой и за Малый.

Анна Ивановна. Полное отсутствие интересов. Я целое лето работала фельдшерицей на одном пункте... Так это же ужас! Доктор, еще молодой совсем, а такой пьяница, картежник...

Физик. Пьяница – ничего, картежник – дурно.

Мишка (*жалобно*). Да будет вам панихиду тянуть. Ну, удрали и удрали, и радуйтесь этому. Молодым людям надо быть веселыми, – расскажи-ка лучше, Фрушончик, как тебя опять из тихого семейства выгнали.

Зинаида Васильевна. Какая славная девушка с Глуховцевым. Кто это?

Архангельский. Его знакомая. Правда, очень милая. Но уж очень скромная – все краснеет.

Мишка. Ну, ну, расскажи, Фрушончик.

Блохин. Нет, это удивительно: такого скандалиста, как Онуфрий, во всей Москве не найти... И зачем ты, Онуфрий, лезешь непременно в тихое семейство?

Онуфрий. Роковая тайна. По натуре я, собственно говоря, человек непьющий...

Хохот.

Мишка. Физик, объясни.

Анна Ивановна. Его специальность — химия.

Физик. Но не алхимия. Здесь же, несомненно, припахивает чертовщиной.

Онуфрий. Совершенно серьезно, Анна Ивановна. И не только непьющий, но склонный к самым тихим радостям. Что такое меблированные комнаты? Ваш Фальцфейн, например? Грязь, безобразие, пьянство, а я этого совершенно не выношу, Зинаида Васильевна. Вот я и выискиваю по объявлениям тихое интеллигентное семейство. Переезжаю, конечно, и все мне очень рады. Онуфрий Николаевич, говорят, приехал. Но только...

Мишка. Несчастный ты человек, Онуфрий. Выпьем за тихое семейство.

Онуфрий. С удовольствием, Миша. И вот здесь, Анна Ивановна, начинается роковое сцепление обстоятельств. Третьего дня, например, поселился я у одного присяжного поверенного; такой приятный, знаете, человек, и тихо до того, что ежели блоха в дверь входит, то слышно, как она лапками стучит. Но только в эту же ночь я как-то напился и вернулся домой так часиков в шесть.

Блохин. У... утра?

Онуфрий. Нет, Сережа, — пополуночи. Все бы это ничего, но только меня губит любовь к людям, Анна Ивановна... Вдруг мне до того жалко стало этого адвоката, что не вытерпел я, прослезился и начал барабанить кулаками в дверь, где они с женой почивают: вставай, говорю, адвокат, и жену

подымай, пойдем на бульвар гулять! На бульваре, брат, грачи поют, так хорошо! Ну и что же?

Анна Ивановна. Попросили уехать, конечно?

Онуфрий. Нет, и не просили даже. А просто сам адвокат связал мои вещи и даже, кажется, за извозчиком сам бегал. До свидания, говорит, Онуфрий Николаевич, до свидания, ищите себе другое тихое семейство.

Мишка. Злополучный ты человек, Онуфрий. Выпьем.

Онуфрий. С удовольствием, Миша. Однако, как они запропастились.

Зинаида Васильевна. Далеко. Пока дойдут до реки.

Блохин. Давайте петь, господа, какого черта!

Зинаида Васильевна. Да, да! Петь! Михаил Иванович, да оторвитесь вы от бутылки хоть на минуту.

Мишка (*в отчаянии*). Братцы, что же это такое? Пришел я на Воробьевы горы, думал хоть тут отдохнуть душою, а Блохин петь хочет.

Онуфрий. Не обижай его, Миша; разве он виноват, что голос у него такой скверный? Пой, Сережа, пой, только высоко не забирайся – опасно.

Вбегают, запыхавшись, Ольга Николаевна и Глуховцев.

Глуховцев. Ой-ой-ой, как я жрать хочу.

Ольга Николаевна. Я тоже. Можно мне здесь присесть?

Анна Ивановна. Пожалуйста, голубчик, вот колбаса, вот сыр, сардинок не советую есть, – кажется, с запахом.

Мишка. Говорил, лучше селедку взять – селедка никогда

не обманет.

Глуховцев. Налей-ка, Миша.

Ольга Николаевна. Вы же не хотели пить, Николай Петрович.

Глуховцев. Одну рюмочку.

Анна Ивановна. Вы не московскую гимназию окончили, Ольга Николаевна?

Ольга Николаевна. Нет, я была в институте.

Физик. В институте? Это надо хорошенько рассмотреть.
(Надевает сверх очков пенсне.)

Мишка. Братцы, Физик вторые очки надел.

Онуфрий. Четырехглазый осьминог.

Физик. Но почему же осьминог?

Блохин. Глаза уже есть, а ноги будут.

Зинаида Васильевна. У вас такой прекрасный голос, Михаил Иванович, – отчего не споете?

Мишка. Можно.

Запевает, и все согласным хором подхватывают.

Не осенний мелкий дождичек
Брызжет, брызжет сквозь туман, —
Слезы горькие льет молодец
На свой бархатный кафтан.
— Полно, брат молодец,
Ты ведь не девица,
Пей – тоска пройдет.
Пей, пей – тоска пройдет.

Мишка (*обиженно*). Братцы, Блохин опять врет.

Блохин (*вскакивает*). Это свинство! Это... это черт знает что такое! Я больше никогда... (*Уходит к обрыву и стоит там один, насупившись.*)

Голоса.

– Сергей, Сережа!

– Сергей Васильевич!

– Он нарочно.

– Он шутит.

– Иди сюда!

Блохин. Хороши шутки. Тоже товарищи.

Мишка (*подходит сзади и обнимает его*). Ну, не сердись, Сережа, я ведь нарочно. У тебя голос прямо, брат, для оперы.

Блохин. Оставь меня, Михаил. Я знаю, что у меня очень плохой голос, но если мне хочется петь, – как ты этого не понимаешь? Я, может быть, всю жизнь отдал бы, чтобы иметь такой голос, как у тебя. Ты не знаешь и никто из вас не знает, что у меня в душе все время музыка звучит.

Мишка. Если бы ты не врал, Сережа, а то ведь ты врешь.

Блохин. Ну и вру. На то вы товарищи, чтобы...

Мишка (*покаянно*). Верно, брат Сережа, верно! Свинство это. Поцелуй меня! Больше никогда, брат, слова не скажу – ври сколько хочешь. (*Соболезнующе.*) У тебя тенор, что ли?

Блохин (*насупившись*). Тенор.

Мишка. Ну, ничего, брат, пойдем выпьем.

Уходят. Заходит солнце, заливая пурпуром стволы берез и золотистую листву. Над Москвою гудит и медленно расплывается в воздухе колокольный звон: звонят ко всенощной.

Архангельский. Зазвонила Москва. До чего ж я люблю ее, братцы!

Онуфрий. По какому случаю трезвон?

Архангельский. Завтра же воскресенье. Ко всенощной.

Мишка. Молчи, молчи! Слушайте! (*Издает грудью певучий, глубокий звук в тон поющим колоколам.*) Гууууу, гууууу...

Глуховцев (*вскакивает*). Нет, я не могу! Это такая красота, что можно с ума сойти. Оля, Ольга Николаевна, пойдете к обрыву.

Голоса. И мы, и мы.

– Да оставьте вы ваше пиво, Онуфрий Николаевич.

Все высыпает на край обрыва, Мишка со стаканом пива, Онуфрий держит бутылку и время от времени пьет прямо из горлышка. Слушают.

Онуфрий. «Вечерний звон, вечерний звон, как много дум наводит он». (*Пьет.*)

Мишка. Молчи!

Анна Ивановна. Москву действительно трудно узнать.

Глуховцев (*горячо*). Это такая красота! Это такая красота!

Ольга Николаевна (*тихо*). Мне захотелось молиться.

Глуховцев. Молчи, Оль-Оль. Тут и молитвы мало.

Мишка (*грустно*). Кончилось. Но если ты, Онуфрий, еще раз попробуешь в таком торжественном случае гнусавить, как заблудившийся козел, то я тебе...

Онуфрий. Жестокое непонимание. Роковая судьба. Лучшие порывы души угасают, не долетая до небес. Всю жизнь мою ищу тихое семейство – что же, о жалкий жребий мой! Анна Ивановна! Вы женщина строгая и добродетельная, давайте образуем с вами тихое семейство.

Анна Ивановна. Вы пьяны, Онуфрий Николаевич.

Онуфрий. Выпивши, но не пьян. Дамам эта разница недоступна, но вместе с тем очень значительна.

Блохин. «Мы рождены для вдохновенья, для звуков сладких и молитв».

Зинаида Васильевна. Ай-ай, чайник закипел.

Архангельский. Бежим! Лови его!

Мишка. Зловредный ты человек, Онуфрий. Только тебе и остается, что пить.

Онуфрий. Я одного боюсь, Миша: истощения сил.

Мишка. А ты, Онуша, не мешай водку с пивом. Выпей сперва одного, а потом другого, а вместе – избави тебя бог: никакое тихое семейство тебя не выдержит.

Онуфрий. Хорошо, Миша, попробую так.

Все уходят, на обрыве остаются только Глуховцев и Ольга Николаевна.

Глуховцев. Что загрустила, Оль-Оль? Что затуманилась, зоренька ясная?

Ольга Николаевна (*вздыхая*). Так. Мне очень нравятся твои товарищи, Коля. И этот твой Онуфрий... как его, очень милый. Правда, что его отовсюду выгоняют?

Глуховцев. Ты еще не знаешь, какой он хороший. Он последнюю копейку отдает товарищам, но только ужасный скандалист!

Ольга Николаевна. А этой Зинаиды Васильевны я боюсь. Мне все кажется, что она меня презирает.

Глуховцев. Какая чепуха! Кто же может тебя презирать? Ты такая прелесть, такое очарование, что вот, хочешь, – сейчас при всех возьму и стану на колени.

Ольга Николаевна (*испуганно*). Нет, нет, Коля. Ступай, миленький, к твоим, а я тут побуду одна. Немножко погрузиться захотелось.

Глуховцев. О чем, Оль-Оль?

Ольга Николаевна. Так, о жизни. Ты очень меня любишь, Коля?

Глуховцев. Очень, Оль-Оль.

Ольга Николаевна. Нет, скажи – очень? Мне нужно, чтобы ты очень любил меня.

Глуховцев. Сильнее нельзя любить. Видишь ли, настоящую любовь можно узнать по тому, насколько от нее человек становится лучше, и еще по тому, Оль-Оль, насколько от нее в душе светлеет. А у меня так светло теперь, что я удивляюсь.

Ведь ты знаешь, Олечка, как мучили меня всякие проклятые вопросы, а теперь ничего: только радость, только свет, только любовь. И петь хочется... как Блохину.

Ольга Николаевна. Ну, иди, миленький, пой. (*Тихонько целует его руку.*) Спасибо тебе.

Глуховцев (*отвечая таким же поцелуем*). Я только на минутку. Не забывай меня!

Ольга Николаевна. И ты меня не забывай. (*Остается одна. Некоторое время молчит, потом тихонько напевает.*)

Ни слова, о друг мой, ни вздоха.

Мы будем с тобой молчаливы:

Ведь молча над камнем могилы
склоняются грустные ивы.

И молча читают, как я в твоём сердце усталом,
Что были...

Онуфрий (*кричит*). За ваше здоровье, Ольга Николаевна.

Ольга Николаевна (*тихо*). Спасибо. (*Продолжает петь.*)

Что были дни светлого счастья,
и этого счастья не стало.

Глуховцев (*кричит*). Петь идите, Ольга Николаевна!

Мишка. Идите петь. Одного голоса не хватает.

Ольга Николаевна. Нет, я тут побуду... «Что были дни светлого счастья, и этого счастья не стало...» Да. Милый мой Колечка, бедный мой Колечка.

Студенты (*поют*).

Быстры, как волны, все дни нашей жизни.
Что день, то короче к могиле наш путь.
Налей же, товарищ, заздравную чару, —
Бог знает, что с нами случится впереди.
Посуди, посуди, что нам будет впереди.

Мишка. Так, так, Сережа, поддерживай.

Студенты (*продолжают*).

Умрешь, похоронят, как не жил на свете.
Уж снова не встанешь к веселью друзей.
Налей же, товарищ, заздравную чару, —
Кто знает, что с нами случится впереди.
Посуди, посуди, что нам будет впереди.

Онуфрий. Господа, кто подложил под меня сардинки? Во-первых, я не курица, во-вторых, куры не несут сардин, а во-третьих, я не маркиз, чтобы ежедневно менять брюки.

Хохот.

Ольга Николаевна (*повторяет*). «Уж снова не встанешь к веселью друзей...» Один у меня друг, как одно у меня и сердце. Одна жизнь. Одна любовь.

Со стороны сидящих на поляне доносятся отрывки горячего спора.

Архангельский. Ты не имеешь права так говорить, Миша. Ницше...

Мишка. А я буду говорить.

Анна Ивановна. Господа, господа, необходим порядок. Вы что хотели сказать, Блохин?

Блохин (*захлебываясь*). Я говорю... я говорю, что сила не в том, чтобы постоянно разрушать и ничего... ничего не творить. Тво... творческий дух...

Мишка. Верно, Сережа!

Блохин. Погоди, Михаил. Я говорю...

Глуховцев. А я скажу, Михаил, что это глупо: ко всему, что не нравится и чего не понимаешь, прилеплять кличку мещанина. Таким образом можно легко отделаться...

Зинаида Васильевна. Почему же непременно отделаться, Глуховцев? А если человек убежден, что данный факт или данное лицо...

Онуфрий. Вот бы нас сейчас да в тихое семейство.

Глуховцев. Не балагань, Онуфрий. Меня возмущает легкость, с которой этот господин прищипливает ярлычки. Мы не насекомые...

Онуфрий. Мы травоядные алкоголики.

Глуховцев. Онуфрий! Господа, или спорить, или дурачиться, — я этого не понимаю.

Анна Ивановна. Вы пьяны, Онуфрий Николаевич. По-

вторите, Михаил Иванович, что вы сказали.

Мишка (*угрюмо*). То и сказал. Сказал, что ваш Фридрих Ницше – мещанин.

Глуховцев. А ну вас всех к черту! (*Идет к Ольге Николаевне.*)

Онufрий. Не уходи, Коля, мы сейчас заставим его извиниться. Михаил, прошу тебя, возьми слова твои обратно.

Глуховцев (*Ольге Николаевне*). Нет, ты подумай, Оля, эта пьяная каланча, этот тромбон вдруг заявляет, что Ницше мещанин. Это великий, гениальный Ницше, этот святой безумец, который всю свою жизнь горел в огне глубочайших страданий, мысль которого вжигалась в самую сердцевину мещанства... (*Оборачиваясь, яростно.*) Мишка, а кто же, по-твоему, я?

Мишка (*гудит*). Тоже мещанин.

Глуховцев. Ага! Ну, а ты?

Мишка. Тоже мещанин.

Хохот. Спор продолжается.

Ольга Николаевна. Не волнуйся, голубчик. Смотри, уж луна показалась – какая красная. Можно подумать, что пожар.

Глуховцев. Где? Нет, это удивительный осел!

Ольга Николаевна. Да вот же она! Смотри! Господи, какое счастье подумать, что и назад мы пойдем с тобою! Какое счастье жить на свете!

Глуховцев (*смягчаясь*). Это верно, Оль-Оль, большое

счастье! Мишка просто не понимает, что говорит.

Подходит, покачиваясь, Онуфрий.

Онуфрий. Вы тут? Милые мои дети! Простите, что я вмешиваюсь в ваше блаженство, но любовь к людям не дает мне покою. Я уже заметил, когда мы шли сюда, и вообще еще раньше заметил, что вы, дети мои, самым провидением приу-го-тованы, то есть приготовлены, вы понимаете?

Глуховцев. Не трудись объяснять, понимаем.

Онуфрий. И я, как старший, как духовный отец...

Глуховцев. Духовная мать.

Онуфрий. Нет, именно духовный отец. Я прошу тебя, женщина, как бы тебя ни звали, люби моего Колю. Это такая душа, это такая душа... *(Всхлипывает.)* И когда вы женитесь и образуете тихое семейство, я навсегда поселюсь у вас. Ты меня не выгонишь, Коля, как этот адвокат?

Глуховцев. Живи, Онуфрий, чего уж там.

Онуфрий *(целует его)*. Я всегда верил в твое благородство, Коля. Мне бы только ящик с книгами распаковать, а то вот уже два года вожу я его из одного тихого семейства в другое тихое семейство. Из одного тихого семейства в другое тихое семейство. А вас, прелестная незнакомка, я могу поцеловать? Как отец. Коля, мой поцелуй чист, как дыхание ребенка.

Глуховцев. Да, только такого, который не меньше года пролежал в спирту.

Ольга Николаевна. Я с удовольствием поцелую вас,

Онуфрий Николаевич. (*Целует его.*)

Глуховцев. Ты на луну лучше посмотри.

Онуфрий. Которая? Вот эта? Какая зеленая. Господа, луна взошла, и притом, заметно, в нетрезвом виде.

Блохин (*поет*).

И ночь, и любовь, и луна,
И темный развесистый сад...

(*Забирается куда-то в непролазную глушь и обрывает.*)

Кто знает из вас этот романс?

Мишка. Сережа, не форси и не злоупотребляй. Сорвешь голос – как же Вагнера петь будешь?

Зинаида Васильевна. А вы были на «Зигфриде», Михаил Иванович?

Мишка. Присутствовал.

*Собираются к краю обрыва в лунный свет. Несколько за-
тихают, очарованные.*

Блохин. Мне кажется, что я рас... растворяюсь в лунном свете, что я таю, что меня уж нет. Господа, скажите мне под честным словом: существует Блохин или нет?

Мишка. Какое торжество! Возрадовались небо и земля. Что сегодня – праздник что ли?

Архангельский. Завтра воскресенье. Слышал, ко все-
нощной звонили?

Онуфрий. Врешь, отец-дьякон. Сегодня воскресенье.

Почему воскресенье должно быть завтра, если оно сегодня? Миша, скажи отцу-дьякону, что ихний календарь – мещанство.

Анна Ивановна. Тишина какая. Вы здесь, Андрей Васильевич?

Физик. По-видимому, здесь.

Анна Ивановна. Подойдите сюда, – отсюда виднее.

Глуховцев (*тихо*). Оль-Оль, ты любишь меня?

Ольга Николаевна. Люблю. А ты?

Глуховцев. Люблю.

Онуфрий. Вот я в тихом семействе. Тихий месяц, тихи звезды, тиха вся земля.

Блохин. Смотри, выгонят.

Онуфрий (*грустно*). Не смейтесь, дети мои, над несчастным Онуфрием. Ему грустно. Люди гонят его, как пророка, и даже побивают камнями; но он верит: есть в мире тишина. Иначе как бы могли судить у мирового за нарушение тишины и порядка!

Мишка. Торжество! Но, однако же, пойдем допивать пиво, Онуфрий.

Онуфрий. Пиво? С удовольствием, Миша. Но мне кажется, что я уже выпил все пиво.

Мишка. Я спрятал две бутылки. Пойдем! От этого торжества меня под сердцем сосать начинает.

Онуфрий. Под сердцем? Ах, Миша, Миша! Коротка наша жизнь. Извини меня, Миша, но, кажется, я наступил тебе

на мозоль.

Блохин. Ты опять, Онуфрий, извиняться начинаешь. Ночевать тебе в участке.

Зинаида Васильевна. Вам грустно, Михаил Иванович?

Мишка. Да, взгрустнулось. Пива мало взяли.

Зинаида Васильевна. Пиво?.. В такую ночь?..

Анна Ивановна. Холодно! Холодно становится. У кого моя кофточка, господа? Да и собираться надо – пока дойдем.

Уходят на полянку. У обрыва остаются только Глуховцев и Ольга Николаевна. Стоят, крепко обнявшись.

Ольга Николаевна (*тихо*). Увидят, Коля.

Глуховцев. Пусть.

На полянке громкий разговор.

Мишка. Домой? Домо-о-ой? Кто говорит: домой? Это вы, Анна Ивановна?

Онуфрий. Ложное представление о несуществующих предметах. Дома никакого нет. Дом – это пятиэтажный пред-
рассудок.

Блохин. К... конечно, к... какой там дом. Мы еще костер будем разводить.

Мишка. Верно, брат Сережа. Костер.

Физик. А я желаю наблюдать восход солнца.

Онуфрий. Я буду прыгать через костер, как летучая рыба. Физик, скажи-ка: бублик.

Анна Ивановна. Не надо, не говорите, Андрей Васильевич!

Физик. Нет, скажу. (*Подумавши.*) Булбик.

Онуфрий. Верно, Физик. Значит, и ты можешь прыгать через костер. Все будем прыгать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.